
Рита Арден
Пепел драконьего сердца.

Рита Арден
Пепел драконьего сердца

https://litres.ru/74792359
SelfPub; 2026

Аннотация

Меня зовут Анна. Я реставратор холодного оружия — привыкла возвращать жизнь клинкам, а не людям.

Но одно прикосновение к ancient шашке — и я оказалась там, где под пеплом и камнем спит стальной дракон, а память металла говорит громче живых голосов. Я могу пробуждать эту память. Только за каждое восстановленное воспоминание плачу собственной жизнью.

И есть Кайрен. Он появился слишком вовремя. Знал слишком много. И от него невозможно отдалиться — даже когда каждое слово требует не верить.

Говорят, за нашей встречей стоит история двух душ, переживших другие жизни. Говорят, пробуждение Безымянного уже началось. Я не знаю, спасу ли этот мир. Но я точно знаю: некоторые сердца созданы не для любви. А некоторые — слишком опасны, чтобы позволить им биться.

«Пепел драконьего сердца» — история о любви, которая не обязана повторять прошлое, и о памяти, способной пережить смерть.

Содержание

Глава 1. Металл помнит 4
Глава 2. За гранью металла 28
Глава 3. Архивариус с крыльями 51
Конец ознакомительного фрагмента. 87

Рита Арден
Пепел драконьего сердца

Глава 1. Металл помнит

Глава 1. Металл помнит

POV: Анна

Металл никогда не молчит.

Люди просто разучились его слушать.

Анна впервые поняла это в четырнадцать лет, когда прикоснулась к серебряному браслету прабабушки и услышала женский смех.

Тогда она решила, что в соседней комнате кто-то разговаривает. Но дом был пуст. Только старые часы отсчитывали секунды, а на подоконнике покачивалась занавеска.

Смех повторился, когда она снова взяла браслет.

Позже выяснилось, что это была не единственная странность.

На старой медной пряжке из семейной коллекции она услышала звон колокольчиков и почувствовала запах конского пота. На найденной в земле монете — чей-то испуганный шёпот. А однажды, работая с серебряной ложкой XVIII века, неожиданно ощутила такую сильную тоску, что несколько минут не могла продолжать работу.

Самым неприятным оказался старинный кинжал, поступивший на реставрацию в музей.

При первом прикосновении Анна услышала короткий вскрик. При втором почувствовала резкую боль под рёбрами и едва не упала со стула.

Она тогда три дня не могла избавиться от ощущения чужой смерти.

Со временем Анна научилась различать обычные воспоминания металла и то, что она называла эмоциональным следом.

Не каждый предмет что-то показывал. Не каждый позволял услышать себя. Иногда это был лишь короткий звук, иногда запах, иногда чужое ощущение, не имевшее отношения к настоящему.

Она не могла выбирать воспоминания и не всегда понимала, кому они принадлежали.

Поэтому выработала несколько правил.

Не прикасаться к неизвестному предмету голыми руками без необходимости. Не пытаться повторно вызвать неприятное воспоминание. И никогда не принимать увиденное за исторический факт без подтверждений.

Последнее правило было особенно важным.

Анна была реставратором, а не медиумом.

По крайней мере, именно так она объясняла свою особенность окружающим.

Горный Алтай встретил её снегом.

Анна не рассчитывала увидеть его в середине сентября.

Когда самолёт заходил на посадку, она смотрела в иллюминатор на горные цепи, затянутые молочной дымкой. Между хребтами серебрились реки, в глубоких долинах темнели леса, а на вершинах лежали снежные шапки.

Через несколько часов она уже сидела в старом внедорожнике, который медленно пробирался по горной дороге.

— Первый раз в наших краях? — спросил водитель.

Мужчину звали Михаил. Он встретил Анну у районного музея и согласился отвезти её в Кара-Таш.

— На Алтае бывала. Но не здесь.

— Тогда многое ещё увидите.

Дорога петляла между склонами. Внизу шумела река, местами покрытая тонкой коркой льда.

Анна проверила телефон.

Одна полоска связи.

— Прекрасно. Значит, никто не сможет позвонить с вопросом, когда будет готов отчёт.

— А вы сюда отдыхать приехали?

— Работать.

— Тогда тем более. Здесь работа сама вас найдёт.

Анна улыбнулась.

Она ещё не знала, насколько пророческими окажутся эти слова.

Кара-Таш оказался небольшим поселением, прижавшимся к склону горы.

Несколько десятков домов, деревянные заборы, хозяйственные постройки, поленницы дров и узкие улицы. На окраине виднелись пастбища, за которыми начинался каменистый склон.

Дом Павла Семёновича Воронова стоял немного в стороне от остальных.

Двухэтажный, с потемневшими бревенчатыми стенами и покосившимся крыльцом. Одна сторона крыши просела, а на чердачном окне отсутствовало стекло.

— Мрачноватый, — заметила Анна.

— Хозяин тоже был человек своеобразный. Геолог. Полжизни по горам ходил, старые вещи собирал. Камни, оружие, железки. Мог часами над какой-нибудь ржавой штукой сидеть.

— Понимаю его.

Михаил усмехнулся.

— Вот и хорошо. Может, договоритесь.

У входа их встретила Надежда Ивановна — соседка, которая несколько лет присматривала за домом после смерти владельца.

— Молодая совсем, — сказала она, разглядывая Анну.

— Для некоторых работ это преимущество.

Женщина усмехнулась.

— Посмотрим.

Мастерская находилась в дальней части первого этажа.

Большая комната с двумя окнами, выходившими на склон. Вдоль стен стояли шкафы, стеллажи и рабочие столы. В углу темнел небольшой горн.

Даже после нескольких лет запустения помещение сохраняло следы прежнего порядка.

На стенах виднелись карандашные пометки. Возле стеллажей стояли ящики с надписями. Инструменты были разложены так, словно хозяин собирался вернуться к работе на следующий день.

Анна сразу заметила старый увеличительный прибор.

Она взяла его, проверила механизм и покрутила регулировочное колесо.

Хорошая вещь.

— Павел Семёнович сам здесь работал?

— Сам. Никому ничего трогать не разрешал. Даже пыль вытирать не давал.

— Почему?

— Говорил, что у каждой вещи своё место. И что металл помнит руки, которые его касались.

Анна перестала вращать колесо.

— Интересно он сказал.

— Вы тоже так считаете?

— Иногда.

Надежда Ивановна посмотрела на неё внимательнее, но ничего не ответила.

Металлический ящик обнаружили под полом мастерской.

Внутри лежали несколько предметов, обёрнутых плотной тканью. Среди них оказалась шашка в деревянных ножнах.

Именно она заинтересовала районный музей.

Анна достала её из футляра и положила на подготовленную поверхность.

Первым делом сделала фотографии.

Общий вид. Рукоять. Ножны. Основание клинка. Отдельно — каждый участок с повреждениями и необычными деталями.

Затем внесла предмет в рабочий журнал и записала предварительные измерения.

Шашка была узкой, слегка изогнутой, с необычной геометрией клинка. Рукоять украшала серебряная насечка. На ножнах сохранился сложный орнамент.

Внешне оружие напоминало кавказские образцы, но некоторые детали не соответствовали известным ей технологиям.

Особенно странным было состояние металла.

На нём практически отсутствовала привычная коррозия, хотя остальные предметы из ящика заметно пострадали от сырости.

Анна надела перчатки и приблизила лампу.

На поверхности проступал глубокий графитовый оттенок с едва заметным золотистым отливом.

Она изменила угол освещения.

И увидела знак.

Возле основания клинка находился небольшой круг, образованный тремя тонкими линиями. В центре — ромб, напоминающий каплю расплавленного золота.

Анна открыла увеличительную оптику.

Знак не был похож на обычную гравировку. Линии словно находились внутри металла.

Она ещё раз сфотографировала участок с масштабной линейкой и добавила снимки в рабочую папку.

Затем сняла перчатку и осторожно коснулась рукояти.

Сначала ничего не произошло.

Потом в голове прозвучал глухой удар.

Анна замерла.

Второй.

Третий.

И запах.

Раскалённое железо, угольный дым, пот.

Она увидела кузницу.

Каменные стены, красное пламя и силуэт мужчины возле наковальни. Его руки держали раскалённую заготовку.

Мужчина что-то произнёс на незнакомом языке.

Анна резко отняла руку.

Видение исчезло.

Она несколько секунд сидела неподвижно.

— Вот это уже интересно.

В рабочем журнале появилась новая запись:

«При контакте с рукоятью возник кратковременный слуховой и обонятельный образ. Не исключено влияние усталости».

Последнюю фразу она добавила скорее по привычке.

Она знала, что никто не поверит её настоящему объяснению.

К вечеру за окнами окончательно стемнело.

Надежда Ивановна принесла чай и домашние пироги.

— Не задерживайтесь сегодня.

— Постараюсь.

— И на второй этаж ночью не ходите.

Анна подняла глаза.

— Почему?

— Лестница старая. А чердак вообще лучше не трогать.

— Там что-то есть?

Женщина помедлила.

— Не знаю. Только Павел Семёнович иногда говорил, что в доме бывают звуки, которых не должно быть.

Анна едва заметно улыбнулась.

— Старое дерево, ветер, перепады температуры. Дом жи-

вёт своей жизнью.

— Может быть.

Надежда Ивановна поставила чашку на стол.

— Только если услышите, будто кто-то зовёт, не отвечайте.

Анна посмотрела на неё.

Женщина уже направлялась к двери.

— Спокойной ночи.

Анна вернулась к шашке.

Она собиралась закончить первичное обследование и утром отправить фотографии в музей.

На столе лежали инструменты, рабочий журнал и телефон с открытой папкой снимков.

Она ещё раз посмотрела на символ.

Странно.

Ни одного совпадения.

Анна приблизила фотографию, увеличила контрастность, затем сравнила её с изображениями старинных клейм.

Ничего.

Она откинулась на спинку стула и потёрла переносицу.

Глаза устали.

Пора было заканчивать.

Анна сняла перчатки, потянулась за блокнотом и случайно задела металлическую подставку.

Та соскользнула со стола.

Анна попыталась поймать её, но острый край полоснул по ладони.

— Чёрт!

Небольшая капля крови упала на клинок.

И исчезла.

Анна застыла.

Она успела заметить, как тёмная поверхность словно втянула каплю внутрь.

Затем символ вспыхнул.

Не отражённым светом.

Изнутри.

Анна отшатнулась.

На поверхности шашки начали проступать тонкие золотистые линии. Они расходились от знака, складываясь в незнакомые письмена.

Лампа мигнула.

Вторая тоже.

А затем в мастерской стало темно.

Анна схватила телефон.

Фонарик включился не сразу. Пальцы плохо слушались.

Узкий луч света выхватил верстак, шкаф с инструментами и шашку.

Она лежала на прежнем месте.

Но символ продолжал светиться.

Один… Два…Три…

Затем из клинка донёсся звук.

Не звон.

Не скрип.

Вздох.

Анна почувствовала, как по спине пробежал холод.

— Что за…

Металл поднялся над полотном.

Сам.

Телефон выскользнул из её руки и упал на пол.

На мгновение Анна увидела в темноте огромный золотой глаз с вертикальным зрачком.

Затем пришёл голос.

“Наконец-то”.

Он прозвучал прямо в её сознании.

Анна попыталась отступить.

Но ноги не слушались.

Перед глазами возник огромный каменный зал. Высокие колонны, разрушенные лестницы, чёрные плиты, покрытые пеплом.

В центре лежало существо.

Огромное.

Его тело напоминало металлический скелет, а между чёрными пластинами чешуи мерцал золотой свет.

Дракон.

Анна никогда не видела ничего подобного даже в самых подробных изображениях мифологических существ.

Он был настолько велик, что его расправленное крыло могло бы накрыть целую улицу.

И всё же он выглядел не могущественным.

Он выглядел мёртвым.

Вокруг стояли люди.

Некоторые плакали.

Один из них опустился на колени.

— Мы не смогли тебя спасти.

Анна попыталась отвести взгляд.

Но видение продолжалось.

В глубине зала появилась женщина в сером одеянии. Она держала металлический круг с тем же знаком, который горел на клинке.

— Когда печать ослабнет, он услышит зов, — произнесла женщина.

Затем посмотрела прямо на Анну.

— И тот, кто вернётся, должен будет сделать выбор.

— Какой выбор? — прошептала Анна.

Женщина не ответила.

Вместо этого произнесла:

— Не позволяй ему вспомнить.

Вспышка.

Резкая боль.

Анна почувствовала, как что-то схватило её за запястье.

И услышала другой голос.

Мужской.

Низкий, хриплый, с неожиданно раздражённой интонацией.

— Великолепно. Ещё одна проблема.

Пол под ногами дрогнул.

Анна попыталась ухватиться за стол.

В этот момент её сердце болезненно сжалось.

Она почувствовала удар.

Потом второй.

Третий.

Слишком медленные.

Слишком тяжёлые.

В голове возникло странное ощущение, будто кто-то огромный пытался вдохнуть после очень долгого сна.

Анна посмотрела на шашку.

Золотые линии теперь покрывали почти весь клинок.

Она попыталась произнести хоть слово.

Не получилось.

Последнее, что увидела, — золотой глаз, открывающийся в темноте.

А затем её сердце остановилось.

Первое, что Анна почувствовала после возвращения сознания, — боль.

Второе — запах.

Сырой камень, пепел и перегретое железо.

Она открыла глаза.

Над ней нависал свод огромного помещения. Каменные рёбра потолка уходили в темноту, а между ними свисали цепи, покрытые толстым слоем серой пыли.

Анна лежала на круглом каменном возвышении.

Под спиной ощущались глубокие борозды, образующие сложный узор.

Она медленно приподнялась.

Голова гудела.

— Нет…

Она огляделась.

Никакой мастерской.

Никаких окон.

Никакого верстака.

Только древний зал, каменные стены и бесконечная тишина.

Анна проверила карманы.

Телефона не было.

Ключей тоже.

Она посмотрела на ладони.

Кожу покрывал чёрный налёт. Не грязь и не сажа. Мелкие частицы словно вросли в неё, образовав тонкую металлическую плёнку.

На правой ладони светился золотой символ.

Тот самый.

Анна попыталась стереть его.

Бесполезно.

Она посмотрела на свои руки и вдруг поняла, что больше никогда не сможет вернуться в мастерскую, закончить отчёт, позвонить подруге и услышать привычное ворчание матери.

Если всё произошедшее не было галлюцинацией.

Если она действительно умерла.

Анна медленно опустилась на каменный пол.

Её начало трясти.

Она закрыла лицо руками.

— Нет. Нет, пожалуйста…

Впервые за долгое время ей стало по-настоящему страшно.

Не от древнего зала.

Не от дракона.

От мысли, что всё знакомое осталось где-то за пределами этого места.

Что больше не будет привычного утреннего кофе, случайных сообщений, рабочих споров, обычной московской зимы.

Что она больше никогда не увидит людей, которых любила.

Она сидела так несколько минут.

Потом вытерла лицо рукавом.

Плакать можно было позже.

Сейчас требовалось понять, где она находится и что с ней произошло.

Анна поднялась.

Каменный пол оказался холодным. На стенах виднелись выцветшие фрески.

Одна изображала город, построенный внутри горы. Башни, мосты, широкие лестницы и металлические конструкции, соединённые между собой тонкими линиями.

Над городом парили драконы.

На другой фреске было изображено огромное существо, лежащее среди разрушенных колонн.

Его тело покрывала чёрная каменная чешуя.

Вокруг стояли люди.

Они не сражались с ним.

Они оплакивали его.

Анна приблизила руку к стене.

И услышала.

Не звук.

Чужое воспоминание.

Огромный город, охваченный золотым пламенем. Люди бегут по каменным мостам. Над ними поднимаются чёрные облака.

Дракон стоит посреди разрушений.

Он не пытается спастись.

Он опускает голову и добровольно входит в центр металлического круга.

Его тело начинает покрываться камнем.

Сначала лапы.

Затем грудь.

Потом шея и крылья.

Но золотой свет внутри него не гаснет.

Я удержу его. Пока сердце моё бьётся, он не выйдет.

Анна резко отняла руку.

Она уже понимала: это не просто изображения.

Стены помнили.

В центре зала находилась массивная дверь.

Её створки были покрыты рунами и запечатаны металлическими полосами.

Рядом располагалась сложная конструкция из тёмного сплава. Тонкие металлические жилы уходили в пол, стены и потолок.

Анна осторожно приблизилась.

На поверхности одной из жил виднелась трещина.

Она присела.

Профессиональная привычка снова оказалась сильнее страха.

Повреждение было необычным. Металл словно потерял часть своей структуры, а края трещины покрывал чёрный налёт.

Анна коснулась поверхности.

И увидела сеть.

Сотни золотистых линий соединялись между собой, образуя сложный механизм. Одни передавали движение, дру-

гие — тепло, третьи поддерживали что-то огромное, находившееся глубоко под землёй.

В центре находилось сердце.

Оно было заключено в металл.

Анна почувствовала, что линии постепенно гаснут.

Одна.

Вторая.

Третья.

Всё больше связей обрывалось.

Она отдёрнула руку.

— Так. Значит, это не просто храм.

Слова прозвучали в пустоте.

Но теперь она понимала, что находится внутри огромной системы.

И что система повреждена.

Анна снова посмотрела на трещину.

Она не собиралась ничего исправлять.

Но её ладонь словно сама потянулась к повреждённому участку.

Чёрные частицы на коже начали осыпаться.

Они не падали на пол.

Мелкие металлические крупинки втягивались в трещину.

Анна попыталась отнять руку.

Не смогла.

Золотые линии на стенах вспыхнули.

Сначала одна.

Затем другая.

Потом весь зал наполнился мягким светом.

Где-то глубоко под камнем раздался удар.

Анна почувствовала чужую боль.

Не человеческую.

Огромную.

Тяжёлую.

Такую, что её невозможно было вместить в одном теле.

Она услышала треск камня.

Грохот цепей.

И звук, похожий на первый вдох после многовекового молчания.

Где-то под святилищем проснулось сердце.

Тук. Тук. Тук.

Металлические жилы на стенах вспыхнули золотом. Анна упала на каменный пол. Её ладони горели. Чёрная металлическая плёнка поднималась по запястьям, словно тонкие тёмные нити. Она попыталась подняться, но ноги не слушались. И тогда услышала голос.

Он пришёл из самой глубины горы.

“Анна”.

Она замерла.

Никто здесь не мог знать её имени.

— Кто ты?

Долгое молчание.

Затем голос ответил:

“Астерион”.

В его голосе не было ни величия, ни торжественности. Только усталость. Такая глубокая, будто само время оставило в нём свой след.

“Ты восстановила связь”.

— Я ничего не делала.

“Это обычно говорят те, кто уже всё испортил”.

Анна невольно посмотрела на повреждённую конструкцию.

Даже сейчас кто-то умудрялся язвить.

— И что теперь?

Ответа не последовало.

Вместо него где-то за массивной дверью раздался металлический скрежет. Одна из запечатывающих полос треснула. Затем еще одна. Из-за створок потянуло холодом.

Анна повернула голову.

— Там кто-то есть?

“Не открывай дверь”.

— Почему?

“Потому что мне придётся объяснять, зачем я предупреждал тебя. А я очень давно не объяснял ничего никому”.

Анна не успела ответить.

Под ногами дрогнул камень.

За дверью раздался другой голос.

Мужской.

Незнакомый.

— Вы закончили разговор?

Анна застыла.

— Кто это?

Астерион ответил не сразу.

Тот, кого я не должен был слышать.

В этот момент золотой символ на ладони Анны вспыхнул.

Она почувствовала новый удар сердца.

Огромный.

Медленный.

Но теперь он совпадал с её собственным пульсом.

Анна приложила руку к груди.

Удар.

Сердце под землёй.

Удар.

Её сердце.

Ещё один.

Они били в унисон.

Она попыталась отступить.

Но золотые линии на полу вытянулись к её ногам, словно тонкие светящиеся корни.

И Анна поняла страшную вещь.

Святилище больше не просто реагировало на её присутствие.

Оно признавало её частью себя.

“Анна, — произнёс Астерион. Теперь в его голосе впервые прозвучало что-то похожее на тревогу.- Ты должна понять одну вещь. Пока бьётся моё сердце, ты можешь жить”.

— А если оно остановится?

Ответ пришёл не сразу.

“Тогда остановится и твоё”.

За дверью кто-то тихо рассмеялся.

А сердце под землёй сделало следующий удар.

В такт её собственному.

Позвольте представить главную героиню нашей истории.

Имя: Анна

Профессия: реставратор старинного холодного оружия.

Происхождение: современный мир.

Роль: главная героиня.

Анна попадает в другой мир после контакта с древней кавказской шашкой.

Психологический портрет:

Анна рациональна, наблюдательна и упряма.

Она привыкла работать с предметами, требующими точности и терпения.

Не любит необоснованные объяснения и не принимает авторитет только потому, что перед ней человек с титулом.

А вот подробности ее приключений вы узнаете по мере прочтения романа «Сердце пепельного дракона». Добавляйте роман в библиотеку, ставьте звездочки и пишите комментарии. Мне действительно важно знать Ваше мнение.

Глава 2. За гранью металла

POV: Анна

— Вы закончили разговор?

Голос прозвучал совсем близко — низкий, ровный, без нажима. Именно от этого ровного тона у Анны по спине пополз холодок.

Она резко повернула голову.

Массивная дверь медленно расходилась в стороны, будто нехотя. За ней открывался узкий проход, залитый тусклым голубоватым светом. На пороге стоял мужчина.

Высокий, широкоплечий, он занимал проход так, будто дверь была сделана по его мерке. Тёмная одежда сидела на нём свободно, как на человеке, привыкшем к долгой дороге, а не к строю. На поясе висел длинный нож в потёртых ножнах — рукоять отполирована ладонью до блеска, ножны исцарапаны. Он смотрел не на Анну. На повреждённую конструкцию за её спиной — так, словно видел в ней старого знакомого, с которым предпочёл бы не встречаться.

— Я задал вопрос.

— А я пока пытаюсь понять, где нахожусь и почему у меня под кожей светятся металлические узоры. — Анна услышала, как собственный голос звучит выше, чем хотелось бы, и стиснула зубы. — Так что, боюсь, ответить на ваш вопрос не смогу.

Мужчина наконец перевёл взгляд на неё.

Глаза у него оказались светлыми, почти бесцветными — как выстуженное стекло. Он смотрел не на неё, а сквозь, будто прикидывал не количество вопросов, которые она задаст, а количество неприятностей, которые за ней придут. Судя по тому, как вытянулось его лицо, счёт уже был не в её пользу.

— Вы разговаривали с ним?

— Если вы о голосе, который звучит у меня в голове, то да.

— И что он сказал?

— Что мне нельзя открывать дверь.

Мужчина медленно посмотрел на створки.

— Разумный совет.

— Жаль, что вы появились после того, как она открылась.

Он даже не улыбнулся. Только чуть заметно склонил голову набок — так, будто она подтвердила какое-то его подозрение.

Страх никуда не делся — он сидел под рёбрами холодным комком, мешал дышать и заставлял прислушиваться к каждому шороху. Но рядом с этим человеком страх почему-то сворачивался, как потревоженная змея, уступая место злости. Злость была удобнее. Злость хотя бы грела.

Возможно, потому, что он смотрел на неё так, будто именно она была виновата во всём происходящем.

— Вы собираетесь объяснить, что здесь происходит?

— Для начала мне нужно понять, что именно вы сделали.

— Я ничего не делала. Обнаружила повреждение. Прикоснулась. Металл отреагировал.

— Металл не реагирует.

— Вы удивитесь, сколько вещей ведёт себя не так, как ожидают люди.

Мужчина сделал шаг внутрь.

В ту же секунду золотые линии на полу вспыхнули.

Он остановился. Его плечи напряглись, рука легла на рукоять ножа — привычным, отработанным движением.

— Не двигайтесь.

— Я и не собиралась.

— Тогда уберите руку от конструкции.

Анна опустила взгляд. Её ладонь всё ещё касалась металлической жилы.

— Я её не держу. Она сама…

— Уберите.

В его голосе появилось что-то такое, что спорить расхотелось даже ей.

Анна медленно отняла руку.

Свет погас.

Мужчина выдохнул. Почти незаметно, но она уловила это движение — короткий, резкий выдох, будто он всё это время держал воздух в лёгких.

— Что вы сделали?

— Ничего особенного. Я же сказала.

— Вы восстановили связь?

— Я ничего не восстанавливала. Трещина была здесь. Я только коснулась её.

— Вы коснулись разорванной жилы?

— Если вы называете это так.

Он резко поднял голову.

— И после этого система отозвалась?

Анна замолчала.

Ей не понравился вопрос. Слишком спокойный. Слишком осведомлённый.

— Вы знаете, что произошло?

— Я знаю, что такого не должно было случиться.

— Очень обнадёживает.

За спиной мужчины раздался глухой удар.

Они одновременно обернулись.

Золотые линии на стенах вспыхнули снова. На этот раз свет прошёл по ним волной, словно кто-то провёл пальцем по натянутой струне.

Анна почувствовала резкий укол под кожей запястья. Боль была короткой, но неожиданно глубокой — как от занозы, которую вогнали слишком далеко. Она стиснула зубы.

— Это из-за меня?

Мужчина не ответил. Приблизился к центральной конструкции, стараясь не касаться светящихся линий, и опустился на одно колено.

Анна невольно проследила за его руками. На костяшках виднелись старые шрамы — светлые, давно зажившие. Паль-

цы двигались уверенно, но к самой жиле он не притрагивался. Он двигался осторожно. Не так, как человек, впервые увидевший опасный механизм. Скорее как тот, кто слишком хорошо знает, что может случиться, если допустить ошибку.

— И после вашего прикосновения сердце снова отозвалось? — спросил он, не поднимая головы.

Анна почувствовала, как по спине пробежал холодок.

— Вы знаете о сердце?

Мужчина поднялся.

На несколько секунд его лицо утратило привычную неподвижность. В глазах мелькнуло что-то похожее на тревогу — и тут же исчезло, спряталось за ровным выражением.

— Чёрт.

— Вот теперь мне действительно интересно.

— Вам лучше пойти со мной.

— Куда?

— Туда, где вам не придётся стоять рядом с механизмом, который вы не понимаете.

— А вы понимаете?

— Достаточно, чтобы знать: вам здесь оставаться нельзя.

Анна посмотрела на него, потом на конструкцию за своей спиной.

— С тем самым сердцем, которое, по его словам, связано с моей жизнью?

Мужчина пристально взглянул на неё.

— Он сказал вам об этом?

— Да.

— И вы ему поверили?

— У меня есть основания считать, что моё сердце действительно бьётся в одном ритме с тем, что находится под землёй. Вы предлагаете мне не верить собственным ощущениям?

Он на мгновение задержал на ней взгляд — достаточно долго, чтобы она успела почувствовать себя неуютно.

— Пойдёмте.

Анна ещё раз посмотрела на свои руки.

Чёрная металлическая плёнка почти исчезла. Вместо неё под кожей проступали тонкие серебристо-тёмные линии. Они тянулись от ладони к запястью, ветвились и скрывались под рукавом — как трещины на старом фарфоре.

Она осторожно коснулась одной из них.

Боль отозвалась мгновенно. Анна резко втянула воздух.

— Чёрт…

— Что случилось?

— Ничего.

Мужчина заметил её движение.

— Покажите руку.

— Нет.

Он медленно повернулся.

— Я не собираюсь вас хватать.

— Учитывая, что я знаю вас примерно три минуты, это не особенно убедительный аргумент.

В его взгляде мелькнуло раздражённое удивление.

— Вы всегда так разговариваете с теми, кто пытается вам помочь?

— Пока никто не предложил более убедительный способ выживания.

Он помолчал. Анна успела заметить, как его пальцы снова коснулись рукояти ножа — коротко, почти машинально.

— Тогда учитесь быстрее.

Анна невольно усмехнулась.

Вот же невыносимый тип.

Но руку всё-таки протянула.

Мужчина не коснулся её сразу. Сначала внимательно осмотрел линии, затем приблизил пальцы к запястью.

В ту же секунду Анна почувствовала холод.

Не на коже — внутри.

Будто кто-то опустил ледяную ладонь прямо ей под рёбра и медленно сжал. Дыхание перехватило так, что она не сразу смогла вдохнуть: воздух застрял в горле, как проглоченный камень. Пальцы онемели, по спине пробежала дрожь — и тут же ушла, оставив после себя странное ощущение пустоты, будто из неё что-то вынули.

Анна дёрнулась.

Мужчина отступил так быстро, словно обжёгся.

— Что это было? — спросила она.

Он смотрел на её ладонь.

— Не знаю.

— Вы сейчас серьёзно?

— Я не обязан знать всё.

— По лицу не скажешь.

Он проигнорировал замечание.

— Закройте рукав. И больше никому не показывайте эти знаки.

— Почему?

— Потому что здесь не все захотят сначала задать вопросы.

Анна почувствовала, как холодеют пальцы.

— А вы?

— Я уже задал.

— И что решили?

Он посмотрел на её ладонь, потом на её лицо. Взгляд был ровный, без интереса — как у человека, который уже видел, к чему приводят такие знаки.

— Что вы опасны.

Он направился к выходу.

Анна осталась на месте.

— Подождите. Вы ведь даже не спросили, как меня зовут.

Мужчина остановился.

— Это имеет значение?

— Для начала разговора — обычно.

Он обернулся.

— Кайрен.

Имя прозвучало коротко. Без приветствия, без попытки

расположить к себе — как метка, которую ставят на вещи, чтобы не перепутать.

Анна кивнула.

— Анна.

Он посмотрел на неё ещё раз. На этот раз задержал взгляд на лице — достаточно долго, чтобы она почувствовала себя неуютно, — словно пытался найти там ответ на вопрос, который не собирался задавать.

— Я знаю.

Она почувствовала неприятный холод под рёбрами.

— Откуда?

— Он назвал ваше имя.

— Астерион?

Кайрен не ответил, но и отрицать не стал.

— Значит, вы знаете, кто он.

— Знаю достаточно, чтобы не спорить с ним без необходимости.

— Вы работаете на него?

Кайрен чуть заметно усмехнулся. Впервые за всё время его лицо изменилось — уголок рта дрогнул, и от этого он вдруг показался моложе.

— Я сторож. Или тюремщик. Зависит от того, кого спросить.

— А кого спросить?

— Того, кто заперт внутри.

Анна невольно посмотрела на конструкцию. По золотым

линиям всё ещё пробегали слабые отсветы.

— Вы охраняете Астериона?

— Я слежу, чтобы то, что удерживает его, продолжало работать.

В голосе Кайрена не было ни гордости, ни желания произвести впечатление. Только усталость человека, для которого эта обязанность давно стала частью жизни — как привычка проверять замки перед сном.

— Хорошо, — медленно произнесла Анна. — Тогда скажите хотя бы, где мы и что это за место.

— Это Гильдия. Не город в вашем понимании. Крепость, которая выросла вокруг святилища.

— И кто здесь живёт?

— Те, кому больше некуда идти. И те, кто не может уйти.

Анна нахмурилась.

— Не слишком гостеприимное место.

— Я не обещал вам гостеприимства.

Он вышел в проход.

Анна посмотрела на зал в последний раз.

На фрески. На повреждённую конструкцию. На золотые жилы, уходившие в камень. Ей отчаянно хотелось задержаться и изучить всё это. Понять, как устроена система, почему металл отзывался именно на неё и что за существо спало в глубине горы.

Но сейчас важнее было выбраться отсюда.

Она шагнула за Кайреном.

Коридор оказался длиннее, чем казался из зала.

Стены были сложены из тёмного камня. Через равные промежутки в них вмонтировали узкие металлические полосы, внутри которых двигался слабый голубой свет. Иногда он мерцал, иногда гас совсем — и тогда на несколько секунд коридор погружался в густую, почти осязаемую темноту.

Анна шла следом за Кайреном, стараясь не отставать. Под ногами глухо отдавался каждый шаг — звук уходил в камень и возвращался откуда-то из глубины, будто они шли над пустотой. Воздух пах сыростью, каменной пылью и чем-то едва уловимо металлическим — как в мастерской после долгой работы с латунью.

Где-то капала вода. Ровно, методично, с одинаковыми промежутками — капля за каплей, как метроном.

— Этот свет тоже идёт из жил? — спросила она.

— Да.

— Они проходят через всю гору?

— Через всю Гильдию. И гораздо дальше.

Анна посмотрела на светящуюся полосу в стене. Та едва заметно пульсировала — медленно, в такт чему-то далёкому.

— Значит, всё это связано с тем, что находится в святилище?

Кайрен бросил на неё короткий взгляд — как будто проверял, стоит ли отвечать.

— Вы быстро учитесь.

— Профессиональная привычка. Если не понимаешь, как

устроен предмет, не стоит пытаться его чинить.

— Здесь этот совет может спасти вам жизнь.

— Постараюсь запомнить.

Несколько шагов они прошли молча.

Анна всё ещё пыталась собрать в голове происходящее. Гильдия. Святилище. Астерион. Сердце горы. Кайрен, который называл себя сторожем, но выглядел так, будто сам не до конца понимал, что охраняет. И главное — её собственная смерть.

Слово не желало укладываться в мысли. Оно было слишком большим, слишком холодным — как камень, который не поднять.

— Вы знаете, откуда я? — спросила она.

— Из другого мира.

— Я была на Алтае. В доме. Работала с оружием. Потом…

— Потом вы умерли. По крайней мере, для своего мира.

Анна резко остановилась.

Кайрен тоже остановился, но не обернулся.

— Вы говорите так, будто это обычное дело.

— Для меня — нет.

Она сглотнула. Горло сдавило так, что стало больно.

— Значит, я действительно умерла.

Кайрен повернулся.

— Вы здесь. Этого пока достаточно.

— Для вас, возможно. А у меня там осталась жизнь.

Она произнесла это тише, чем собиралась.

На мгновение перед глазами возникла мастерская. Рабочий стол, инструменты, лампа с тёплым светом. Запах древесной пыли и масла. Всё такое привычное, настоящее. Её мир. Её работа. Её единственная по-настоящему надёжная опора.

И теперь неизвестно, осталось ли от этого хоть что-нибудь.

Анна отвернулась. Горло сдавило так, что стало больно глотать.

Не сейчас. Только не здесь.

Кайрен не стал торопить её. Несколько секунд он просто стоял, глядя на неё — и в его молчании не было ни жалости, ни нетерпения. Просто ожидание.

Потом он продолжил путь.

— Если хотите жить, не отставайте.

— А если не хочу?

Он обернулся через плечо.

— Тогда мне придётся объяснять Астериону, почему его новая гостья решила умереть во второй раз.

Анна посмотрела ему вслед.

— У вас отвратительное чувство юмора.

— Мне говорили.

— Не сомневаюсь.

Коридор вывел их к широкой лестнице.

Она уходила вверх, огибая центральную шахту. Внизу, насколько хватало света, виднелись металлические конструк-

ции, трубы и мосты, пересекавшие огромное подземное пространство.

Анна остановилась.

Перед ней открывался город.

Он находился внутри горы.

Не несколько помещений или пещерных залов. Настоящий город — с башнями, переходами, мостами, окнами и светящимися линиями, уходившими в глубину. Одни здания были высечены прямо в скале, другие казались собранными из камня и металла. Между ними двигались люди.

Анна невольно подошла к перилам. Пальцы сжали холодный металл.

— Ничего себе…

Внизу кто-то нёс корзину. Двое мужчин спорили возле металлической тележки. По узкому мосту прошла женщина в длинном сером плаще. Из одного окна доносился детский смех.

Обычная жизнь.

Здесь. Под толщей горы.

От этого зрелища Анне стало не по себе сильнее, чем от дракона.

Дракон мог быть видением. Магический металл — следствием неизвестного воздействия, игрой уставшего сознания. Но люди внизу были настоящими: они спорили, торговались, смеялись — и их голоса поднимались к ней сквозь толщу камня, как пузырьки воздуха сквозь воду. Город жил.

И от этого становилось страшнее, чем от любого чудовища.

— Это и есть Гильдия? — спросила Анна.

— Да.

— Кто здесь живёт?

— Те, кому больше некуда идти. И те, кто не может уйти.

Она посмотрела на Кайрена.

— Вы уже говорили.

— Значит, вы хорошо запоминаете.

— Особенно то, что не внушает оптимизма.

Он не ответил.

Они спустились на несколько пролётов. По мере приближения к нижнему уровню становилось теплее. Пахло дымом, горячим хлебом и чем-то пряным. После сырого камня этот запах показался Анне почти домашним.

Живым.

И только теперь она поняла, насколько голодна.

Живот болезненно сжался. Анна прижала ладонь к нему и отвернулась, надеясь, что Кайрен не заметил.

Конечно, заметил.

— Давно ели?

— Не помню.

— Значит, давно.

— У вас здесь принято допрашивать людей по дороге?

— Только тех, кто приходит в себя в святилище и будит то, что лучше не будить.

— Я не приходила в себя там. Меня перенесло.

— Это многое меняет.

Анна посмотрела на него, но он уже остановился возле арочного проёма.

За ним находилась небольшая площадка с несколькими дверями. На стене висели металлические таблички с выгравированными знаками.

— Здесь вас осмотрят.

— Кто?

— Вардек. Она разбирается в том, что происходит с теми, кто соприкасается с сердцем горы.

— А вы?

— Мне нужно сообщить, что вы пришли в себя.

Анна скрестила руки на груди.

— И всё? Вы собираетесь исчезнуть и оставить меня здесь?

— Пока да.

Он уже собирался уходить, когда Анна заметила, как его правая рука сжалась в кулак.

На мгновение под кожей у основания большого пальца проступила тёмная чешуйчатая структура. Почти незаметная — но Анна слишком долго работала с металлом, чтобы не замечать мелких деталей. Кайрен тут же спрятал руку за спину.

Анна прищурилась.

— У вас…

— Не начинайте.

— Я ничего не сказала.

— Но собирались.

Он посмотрел на неё так, что продолжать расхотелось.

Анна промолчала. Но увиденное уже отпечаталось в памяти. Чешуя. Тёмная, почти чёрная. Она точно не могла быть обычным шрамом или особенностью кожи.

Кайрен открыл одну из дверей.

— Подождите здесь.

— А если я уйду?

— Далеко не уйдёте.

— Вы всегда такой любезный?

— Нет. Сегодня я стараюсь.

Дверь закрылась.

Анна осталась одна.

Она прислонилась к стене и медленно выдохнула.

Всё тело ныло. Руки дрожали от усталости, а голова всё ещё была тяжёлой. Но сильнее всего выматывала неизвестность.

Она посмотрела на ладонь.

Золотой знак почти погас. Серебристо-тёмные линии под кожей, наоборот, стали заметнее. Они расходились от центра ладони тонкими ветвями, словно трещины на старом фарфоре.

Анна осторожно провела по ним пальцем.

Никакой боли.

Только странное тепло. Не поверхностное, а глубокое,

будто под кожей медленно тлел уголёк.

Она вспомнила, как металл отзывался на прикосновение. Как чужие воспоминания возникали в голове без предупреждения. Как Астерион произнёс её имя.

Ты восстановила связь.

Но какую?

И почему именно она?

Анна закрыла глаза.

На секунду ей показалось, что кто-то стоит совсем рядом. Не Кайрен. Не человек. Что-то огромное, неподвижное, скрытое за толщей камня.

Она услышала слабый гул.

Потом голос.

Он не враг. Пока.

Анна распахнула глаза.

— Астерион?

Ответа не последовало.

Она прислушалась. За дверью было тихо. Только где-то далеко гудела металлическая система — ровно, басовито, как кровь в ушах.

Он не враг. Пока.

Что это значило? И почему Астерион счёл нужным предупредить её именно сейчас?

Анна медленно выдохнула.

На металлической табличке возле двери проступила тонкая серебристая линия. Она изогнулась, образуя незнакомый

знак.

Анна подошла ближе.

Знак напоминал тот, что был на шашке.

Тот самый. С тремя тонкими линиями вокруг ромба, похожего на каплю расплавленного золота.

Только теперь вокруг него появилось ещё одно кольцо.

Анна задержала дыхание.

Совпадение?

Нет. Слишком точное.

Она наклонилась, пытаясь рассмотреть детали.

— Не трогайте.

Анна вздрогнула и обернулась.

Вардек стояла в дверях.

С первого взгляда её трудно было принять за обычную женщину. Высокая, худощавая, с длинными руками и лицом, будто вырезанным из старого дерева, — все линии острые, ни одной лишней. Тёмные волосы собраны на затылке, и из-под них выступали небольшие перьевые гребни, похожие на рыбьи плавники. Глаза у неё были янтарные, с тёмным ободком, — и смотрели они так, будто Вардек давно перестала удивляться чему бы то ни было.

Анна моргнула, но не отступила.

После дракона, подземного города и чешуи на руке Кайрена её уже трудно было удивить одной необычной внешностью.

— Вы Вардек?

— А вы, значит, та самая гостья.

— Судя по всему, да.

Вардек перевела взгляд на её руку.

И замерла.

На этот раз Анна не стала ничего скрывать.

— Что? — спросила она.

Вардек медленно приблизилась. Шаги у неё были лёгкие, почти неслышные — как у человека, привыкшего ходить по камню.

— Где вы это получили?

— Не знаю. Оно появилось после…

— После того, как вы коснулись сердца горы?

Анна почувствовала, как холодеют пальцы.

— Вы тоже слышите сердце?

— Иногда.

— И что оно говорит?

Вардек не ответила. Она внимательно рассматривала серебристо-тёмные линии на ладони Анны. В её взгляде больше не было обычного любопытства. Только настороженность — как у человека, который увидел знакомый след там, где его быть не должно.

— Покажите вторую руку.

— Зачем?

— Хочу убедиться, что это не просто след от связи.

Анна протянула ладонь.

Вардек осторожно коснулась её кожи. Пальцы у неё были

сухие и прохладные, как старые монеты.

На этот раз никакого видения не возникло. Только лёгкое покалывание, словно от прикосновения к холодному стеклу.

Вардек резко убрала пальцы.

— Невероятно.

— Что именно?

Старая женщина подняла на неё глаза.

— Вы слышите металл?

Анна медленно кивнула.

— Сколько себя помню.

— И камень?

— Сегодня впервые.

Анна открыла рот, но вопрос застрял в горле. В лице Вардек произошло едва заметное изменение. Словно она увидела нечто, чего боялась увидеть много лет.

— Что вы знаете обо мне? — тихо спросила Анна.

Вардек не ответила сразу. Она смотрела на ладонь Анны так долго, что тишина успела стать плотной, почти осязаемой.

Потом произнесла слово, которого Анна никогда раньше не слышала.

Короткое. Сухое. Словно камешек, упавший в глубокий колодец.

— Пепельная.

И почему-то оно отозвалось внутри так, будто было знакомо ей всю жизнь. Будто она всегда знала это слово — про-

сто забыла, а теперь вспомнила.

Кайрен — лорд горного замка
Роль: главный мужской персонаж и романтический инте-

рес Анны.

Кайрен принадлежит к древнему роду хранителей печати.

Его кровь связана с Астерионом.

Он считает, что обязан защищать мир от пробуждения дракона и не допускает возможности, что прежняя история была искажена.

Характер:

Сдержанный, требовательный, дисциплинированный.

Он привык отвечать за последствия собственных решений.

Не любит неопределённость и не доверяет тем, кого не может понять.

Глава 3. Архивариус с крыльями

POV: Анна

— Пепельная.

Слово упало в тишину, как камень в глубокий колодец — без всплеска, но с долгим эхом.

Анна невольно посмотрела на свою ладонь. Серебристо-чёрные линии под кожей разбегались от запястья, ветвились и таяли у основания пальцев. В самом центре мерцал крошечный золотистый знак. Она видела его впервые — и всё же, когда Вардек произнесла это слово, внутри дрогнуло что-то непохожее на память. Скорее её тень. Будто за закрытой дверью кто-то тихо назвал её по имени.

— Это что, диагноз? — спросила Анна, стараясь вернуть голосу привычную насмешливость. Получилось плохо — голос дрогнул.

Вардек не улыбнулась. Её янтарные глаза продолжали изучать руку гостьи так, словно архивариус нашла на древней рукописи строку, которую надеялась никогда больше не прочитать.

— Нет, — ответила она ровно, без тени сочувствия. — Хотя иногда это хуже любого диагноза.

— Вы не могли бы выражаться понятнее? — Анна почувствовала, как раздражение поднимается изнутри — вязкое, горячее, как смола. — У меня был насыщенный день. Я

умерла, оказалась под неизвестной горой, познакомилась с говорящим сердцем — а теперь выясняется, что у меня есть ещё и загадочное звание. Хотелось бы понимать, с чем именно меня поздравляют.

Вардек медленно подняла взгляд.

— Вы уверены, что никогда раньше не слышали этого слова? — спросила она, и в её голосе прозвучала не праздная осторожность, а что-то более глубокое — словно она проверяла не память Анны, а её реакцию.

— Абсолютно, — отрезала Анна.

— Подумайте, — настаивала Вардек, и её перьевые гребни едва заметно дрогнули.

— Я уже думаю, — ответила Анна, и на её скулах выступили едва заметные пятна. — Поверьте, последние несколько часов мой мозг работает с такой нагрузкой, что скоро потребует отдельную зарплату.

Архивариус чуть склонила голову набок.

— Иногда память скрывает не только то, что мы хотим забыть, но и то, что не способны вспомнить, — произнесла она с той особой мягкостью, которая в её устах звучала почти угрозой.

Анна почувствовала, как внутри поднимается глухое, тяжёлое раздражение — такое, какое бывает, когда собеседник явно знает больше, но предпочитает наслаждаться собственным превосходством.

— Послушайте, — сказала она, и в голосе прозвучала

усталая настойчивость человека, который слишком долго держался. — Я не знаю, что здесь считается нормальным, но у нас, в моём мире, принято объяснять человеку, что с ним происходит. Особенно если он оказался в незнакомом месте и не уверен, что остался жив. Я не прошу историю вашей цивилизации за чашкой чая. Просто скажите, что означает это слово.

Вардек несколько мгновений смотрела на неё, потом перевела взгляд на закрытую дверь.

— Не здесь, — коротко бросила она.

— Стены подслушивают? — уточнила Анна с горькой усмешкой.

— Иногда, — ответила Вардек, и в её голосе не было и тени шутки.

Анна устало прикрыла глаза.

— Разумеется. Почему бы и нет?

— Пойдёмте, — сказала архивариус, уже разворачиваясь. — В архиве я смогу показать вам кое-что.

— А там стены не подслушивают? — спросила Анна, не двигаясь с места.

— Там они хотя бы умеют хранить тайны, — отозвалась Вардек, и в её голосе послышалось что-то похожее на мрачную иронию.

Она открыла дверь.

Анна ещё раз взглянула на ладонь. Ей хотелось содрать с кожи этот чужой рисунок, стереть его, вернуть всё обрат-

но — в мастерскую, к запаху машинного масла и древесной пыли, к холодному металлу под пальцами, который никогда не отвечал на прикосновения живым светом. Но прошлое не возвращалось по одному желанию.

Она натянула рукав и последовала за архивариусом.

Коридор встретил их прохладой и запахом влажного камня. В стенах, сложенных из тёмных блоков, поблёскивали металлические вставки. По ним медленно перетекал голубоватый свет — как отражение луны в глубокой воде.

Анна шла рядом с Вардек, стараясь не отставать. После короткого отдыха тело всё ещё казалось чужим: ноги налились тяжестью, в висках пульсировала тупая боль, а под кожей запястья временами пробегало едва заметное тепло — будто кто-то изнутри касался её тёплым пальцем.

За поворотом открылся широкий переход. По обеим сторонам располагались небольшие лавки и мастерские. Из одной тянуло дымом и чем-то сладковатым, похожим на печёные яблоки с пряностями. В другой пожилой мужчина, склонившись над верстаком, подгонял друг к другу две металлические детали. Его молоточек постукивал по поверхности с удивительно музыкальной точностью.

Мимо прошла женщина в длинном сером платье, неся на плече корзину, из которой выглядывали тёмно-фиолетовые корнеплоды. За ней семенили двое детей. Один держал в руках маленькую механическую птицу — та время от време-

ни расправляла тонкие латунные крылья и издавала тихий свист.

Анна невольно замедлила шаг.

Здесь пахло жизнью. Не стерильной чистотой больничных коридоров и не затхлостью древнего подземелья, а хлебом, дымом, горячим металлом, мокрой шерстью и едва уловимыми пряностями. Люди спешили по своим делам, торговались, спорили, смеялись. Кто-то ругался из-за сломанной тележки. Из открытого окна доносился детский голос, а где-то выше женщина негромко напевала мелодию, которой Анна не знала.

Гильдия переставала быть декорацией из кошмара. Она становилась местом, где кто-то жил, любил, растил детей, чинил крышу и беспокоился о том, что будет на ужин. И от этого всё происходящее казалось ещё страшнее.

— Не пытайтесь определить, кто здесь человек, а кто нет, — заметила Вардек, не оборачиваясь.

Анна посмотрела на неё.

— Я разве так заметно разглядываю окружающих? — спросила она с лёгким вызовом.

— Вы смотрите на каждого встречного так, словно мысленно составляете каталог его анатомических особенностей, — ответила Вардек, и в её голосе прозвучала тень сухой улыбки.

— Профессиональная привычка, — отозвалась Анна, и в её голосе послышалась тень виноватой усмешки. — Я при-

выкла внимательно рассматривать то, с чем работаю.

— Надеюсь, вы не собираетесь рассматривать жителей Гильдии как очередную коллекцию? — спросила архивариус, и её перья на плечах едва заметно приподнялись.

— Пока не планировала, — ответила Анна, и в её глазах вспыхнул озорной огонёк. — Хотя некоторые экземпляры вызывают профессиональный интерес.

Вардек бросила на неё короткий взгляд, и в янтарных глазах мелькнуло что-то похожее на неохотное одобрение.

— Здесь живут представители разных народов, — сказала она уже мягче. — У каждого свои особенности. Не всё необычное опасно.

— А всё привычное безопасно? — спросила Анна, и в её голосе прозвучала горькая ирония.

— К сожалению, нет, — ответила Вардек, и в её голосе послышалась усталая горечь человека, который слишком часто видел обратное.

Они вышли на узкий мост, перекинутый через внутреннюю шахту.

Анна остановилась.

С высоты город внутри горы выглядел ещё более невероятным. Каменные башни поднимались вдоль отвесных стен, между ними тянулись мосты и галереи. Внизу мерцали голубые жилы, похожие на светящиеся корни огромного дерева. Они уходили в тоннели, огибали здания, исчезали за каменными выступами и снова появлялись далеко внизу.

Но теперь Анна замечала и другое. Некоторые участки города были погружены во тьму. На стенах зияли пустые пазы, где раньше проходили металлические жилы. Один из мостов был перекрыт тяжёлыми балками. У дальней башни обвалилась часть стены, обнажив внутренние конструкции.

— Здесь давно что-то разрушается, — произнесла она, и в голосе прозвучала профессиональная тревога.

Вардек остановилась рядом.

— Вы наблюдательны, — заметила она, и в её голосе послышалось что-то похожее на неохотное уважение.

— Я вижу повреждения, — ответила Анна, и в её голосе прозвучала твёрдость. — И, судя по тому, как устроены эти линии, они не просто украшают город.

— Они обеспечивают его работу, — подтвердила Вардек.

— Значит, всё связано? — спросила Анна, поворачиваясь к ней.

— Большая часть того, что вы видите, когда-то была частью единой системы, — ответила архивариус, и в её голосе послышалась тень древней усталости.

Анна посмотрела вниз, туда, где светящиеся жилы исчезали в каменной глубине.

— И эта система связана со святилищем? — спросила она, и в её голосе прозвучала осторожная догадка.

Вардек некоторое время молчала.

— Вы уже начинаете понимать, — произнесла она наконец.

— Я не понимаю, — возразила Анна, и в её голосе прозвучала усталая досада. — Я пытаюсь собрать отдельные детали в общую картину. Это не одно и то же.

Она говорила почти машинально, как говорила когда-то в мастерской, объясняя заказчику, почему нельзя торопиться с восстановлением старинного клинка.

— Если я вижу трещину на поверхности, это ещё не значит, что повреждение ограничивается только ею, — сказала она, и в её голосе прозвучала профессиональная уверенность. — Нужно понять, как распределяется нагрузка, где проходят внутренние напряжения, что удерживает конструкцию. Иначе можно исправить одно, а разрушить всё остальное.

Вардек посмотрела на неё с неожиданным вниманием.

— Вы всегда так думаете? — спросила она, и в её голосе прозвучало что-то похожее на любопытство.

— Когда имею дело с вещами, которые пережили несколько столетий, — да, — ответила Анна. — Они редко ломаются просто так.

— А люди? — спросила Вардек, и в её голосе послышалась тень горького опыта.

Анна усмехнулась, но улыбка получилась усталой.

— Люди, как правило, ломаются сложнее, — ответила она тихо.

Вардек не ответила.

Они продолжили путь.

— Сколько маршрутов сейчас работает? — спросила Анна, когда они миновали очередную лестницу.

— Меньше половины от прежнего числа, — ответила Вардек, и в её голосе прозвучала сухая констатация.

— И давно начались повреждения? — Анна нахмурилась, и на её скулах снова выступили пятна.

— Постепенно, — ответила архивариус. — Сначала исчезали отдельные переходы. Потом перестали открываться некоторые узлы. А затем началось то, чего мы не могли объяснить.

— Что именно? — спросила Анна, и в её голосе прозвучала настороженность.

Вардек повернула к ней голову.

— Люди стали забывать, — произнесла она, и в её голосе послышалась тихая тревога.

— В каком смысле? — Анна замедлила шаг.

— По-разному, — ответила Вардек, и в её голосе прозвучала усталая обречённость. — Кто-то переставал помнить названия мест, где бывал всю жизнь. Кто-то забывал лица знакомых. В архиве обнаруживались пустые страницы, хотя ещё накануне на них были записи. На металлических пластинах исчезали надписи.

Анна посмотрела на светящуюся линию в стене.

— Это невозможно, — сказала она, и в её голосе прозвучало недоверие.

— Вы уже не раз произносили эту фразу с тех пор, как

оказались здесь, — заметила Вардек, и в её голосе послышалась тень сухой улыбки.

— И каждый раз надеялась, что она подействует, — ответила Анна, и в её голосе прозвучала горькая усмешка.

Вардек едва заметно улыбнулась.

Анна думала о другом. Если память могла исчезать не только из сознания людей, но и из предметов, значит, привычные ей законы здесь действительно не работали. И всё же в этой истории было что-то знакомое. Не сама магия, а принцип: предмет сохраняет след того, что с ним происходило. Возможно, именно поэтому она до сих пор не потеряла рассудок. Её профессиональный мир, казавшийся таким далёким от всего этого, неожиданно оказался единственной опорой.

Вход в архив находился в старой части Гильдии. Высокая арка из тёмного камня была украшена металлическими пластинами с тонкой гравировкой. По краям виднелись следы старого ремонта: более светлые вставки, чуть отличавшиеся по цвету от окружающей кладки. Некоторые знаки были стёрты, другие покрыты тонкой сетью трещин.

Анна задержала на них взгляд.

— Здесь тоже были повреждения? — спросила она, и в её голосе прозвучал профессиональный интерес.

— Были, — коротко ответила Вардек.

— И их восстанавливали? — Анна шагнула ближе, вгля-

дываясь в стыки.

— Несколько раз, — ответила архивариус, и в её голосе послышалась тень неохоты.

— Не очень удачно, — заметила Анна, и в её голосе прозвучала профессиональная уверенность.

Вардек обернулась.

— Почему вы так решили? — спросила она, и в её голосе послышалось искреннее любопытство.

— Видите эти вставки? — Анна указала на стык двух пластин. — Они отличаются по составу. А здесь металл подогнан слишком плотно. Если конструкция испытывает нагрузку, напряжение будет приходиться именно на это место. Рано или поздно оно снова треснет.

Вардек внимательно посмотрела на указанный участок.

— Любопытно, — произнесла она, и в её голосе прозвучало что-то похожее на уважение.

— Что именно? — спросила Анна.

— Вы замечаете вещи, на которые большинство людей давно перестало обращать внимание, — ответила Вардек, и в её голосе послышалась тень восхищения.

— Это моя работа, — ответила Анна, и в её голосе прозвучала гордая усталость человека, который знает цену своему ремеслу.

Архивариус приложила ладонь к стене. По металлическим вставкам пробежал голубой свет, затем из глубины донёсся протяжный скрежет. Тяжёлые створки разошлись, от-

крывая проход.

Анна шагнула внутрь и невольно задержала дыхание.

Архив оказался огромным. Высокий свод терялся в полумраке. Многоуровневые галереи уходили вверх и вниз, соединённые узкими мостиками и винтовыми лестницами. В стенах располагались десятки ниш, закрытых прозрачными крышками. В одних лежали свитки, в других — металлические пластины, каменные таблички, небольшие шкатулки и предметы, назначение которых Анна не могла даже предположить.

Воздух был прохладным и сухим. Пахло старой бумагой, пылью, воском и металлом. Где-то в глубине тихо постукивал механизм — через равные промежутки, словно огромное сердце отсчитывало секунды.

В центре зала вращались несколько металлических колец. Они пересекались, но не соприкасались, медленно меняя положение. По их поверхности пробегали крошечные искры света.

— Это всё документы? — спросила Анна, и в её голосе прозвучало благоговейное любопытство.

— Не только, — ответила Вардек, и в её голосе послышалась та особая гордость, которую она испытывала к своему делу. — Здесь хранятся сведения о маршрутах, переходах, договорах, прибывших и ушедших. Предметы, которые нельзя оставлять без присмотра. Старые записи, происхождение которых уже никто не помнит. То, что Гильдия не мо-

жет позволить себе забыть.

Последние слова прозвучали особенно отчётливо.

Анна оглянулась.

— Вы говорите о памяти так, будто она здесь имеет материальную форму, — заметила она, и в её голосе прозвучало удивление.

— Иногда так и есть, — ответила Вардек, и в её голосе послышалась тень загадочности.

— А иногда? — спросила Анна, и в её голосе прозвучала настороженность.

— Иногда её отсутствие заметнее любого предмета, — ответила архивариус, и в её голосе послышалась усталая горечь.

Вардек повела её вдоль стены.

Анна старалась не отставать, но взгляд то и дело цеплялся за необычные вещи. В одной нише лежал маленький серебряный колокольчик с треснувшим язычком. В другой — несколько потемневших ключей, каждый с рукоятью в форме незнакомого животного. Под стеклом покоился фрагмент клинка, покрытый странными тёмными прожилками.

Анна невольно остановилась возле него.

— Можно посмотреть? — спросила она, и в её голосе прозвучало профессиональное любопытство.

— Только глазами, — ответила Вардек, и в её голосе послышалось предупреждение.

— Я уже усвоила, что здесь лучше ничего не трогать, —

ответила Анна с горькой усмешкой.

Она наклонилась к стеклу. Металл был старым, поверхность местами покрывала коррозия. Но под ней угадывалась необычная структура — несколько тонких линий, расходившихся от центрального повреждения.

И вдруг ладонь кольнуло изнутри.

Анна отступила.

— Что случилось? — спросила Вардек с тревогой.

— Ничего, — ответила Анна, и в её голосе прозвучало недоверие к собственным словам. — Просто показалось, что этот предмет…

Она не договорила. На мгновение почудился запах дыма — не привычного, от печи или костра, а едкого, тяжёлого, каким пахнет горящий металл. Вместе с ним пришло ощущение чужой тревоги, настолько отчётливое, что Анна невольно сжала пальцы.

— Он что-то помнит, — тихо сказала она, и в её голосе прозвучало недоверие к собственным словам.

Вардек замерла.

— Что вы сказали? — спросила она, и в её голосе послышалось напряжение.

— Ничего, — ответила Анна, и в её голосе прозвучала досада. — Просто… кажется, я начинаю чувствовать то же, что в святилище.

Архивариус внимательно посмотрела на её руку.

— Не приближайтесь к этому предмету без моего разре-

шения, — произнесла она, и в её голосе прозвучала жёсткость.

— Я и не собиралась, — ответила Анна, и в её голосе послышалась обида.

— Анна, я серьёзно, — сказала Вардек, и в её голосе появилось что-то новое. Не раздражение и не привычная осторожность. Страх.

И это насторожило Анну сильнее, чем все загадочные объяснения до сих пор.

Они подошли к длинному столу возле центральной колонны. Поверхность была исцарапана и покрыта тёмными пятнами. На краю лежали раскрытые книги, металлические инструменты и тонкая пластина с выгравированными символами. Над столом медленно вращалась светящаяся конструкция, похожая на объёмную карту.

— Это карта маршрутов? — спросила Анна, и в её голосе прозвучало любопытство.

— Да, — ответила Вардек. — Действующих и тех, что когда-то существовали.

— А красные участки? — Анна шагнула ближе.

— Повреждённые, — ответила архивариус, и в её голосе послышалась усталая горечь.

Анна приблизилась. Линии на карте соединяли небольшие светящиеся узлы. Некоторые пульсировали ровно, другие мигали с перебоями, а несколько обрывались, не доходя

до соседних точек.

Она склонилась над картой, и в её глазах вспыхнул профессиональный интерес.

— Здесь не просто разрывы, — сказала она, и в её голосе прозвучала уверенность. — Некоторые линии смещены. Посмотрите: соединение сохранилось, но части конструкции словно разошлись в стороны. Если попытаться замкнуть его напрямую, можно повредить соседние узлы.

Вардек внимательно посмотрела на неё.

— Вы определили это по изображению? — спросила она, и в её голосе прозвучало недоверие.

— Пока только предполагаю, — ответила Анна. — Чтобы сказать точно, нужно увидеть сам механизм.

— Вы хотите осмотреть маршрут? — спросила Вардек, и в её голосе послышалась настороженность.

— Если вы действительно хотите понять, что происходит с вашей системой, то да, — ответила Анна, и в её голосе прозвучала твёрдость. — Я не обещаю, что смогу помочь, но хотя бы попробую разобраться.

— Вы понимаете, что это не обычный механизм? — спросила архивариус, и в её голосе послышалось предупреждение.

— Вардек, я уже успела поговорить с сердцем горы и увидеть светящиеся жилы под камнем, — ответила Анна, и в её голосе прозвучала горькая усмешка. — Поверьте, я не питаю иллюзий насчёт обычности вашего оборудования.

Архивариус долго смотрела на неё.

— Вы не боитесь? — спросила она наконец, и в её голосе прозвучало что-то похожее на любопытство.

Анна усмехнулась, и в её голосе прозвучала горькая искренность.

— Боюсь. Очень. Просто если позволить страху решать за меня, я скоро перестану отличать собственные мысли от чужих.

Она произнесла это спокойнее, чем чувствовала на самом деле. Ей хотелось домой. Хотелось проснуться в своей мастерской, обнаружить, что всё происходящее было дурным сном, и снова взять в руки старинный клинок. Но если этого не случится, придётся научиться жить здесь. А для этого нужно было хотя бы понять, где она находится и с чем столкнулась.

Вардек сняла с полки тонкую книгу в тёмном переплёте.

— Тогда, возможно, вам стоит узнать кое-что о тех, кто жил здесь до вас, — сказала она, и в её голосе прозвучала неожиданная мягкость.

Книга оказалась старой. Кожа на переплёте потемнела, углы стёрлись, застёжка из тусклого серебра покрылась мелкими царапинами. Вардек положила её на стол и осторожно раскрыла. Страницы были из тонкого сероватого материала, напоминавшего плотную кожу. На них располагались строки незнакомых символов — некоторые нанесены чёрными чернилами, другие выгравированы прямо на поверхности.

Анна наклонилась ближе.

— Вы умеете читать это? — спросила она, и в её голосе прозвучало любопытство.

— Разумеется, — ответила Вардек, и в её голосе послышалась тень гордости.

— А я? — Анна приподняла бровь.

— Пока нет, — ответила архивариус, и в её голосе прозвучала сухая констатация.

— Тогда зачем вы показываете мне книгу? — спросила Анна с усталым раздражением.

Вардек перевернула несколько страниц и остановилась.

— Потому что некоторые изображения вы уже знаете, — ответила она, и в её голосе послышалась загадочность.

В середине страницы был нарисован знак. Три тонкие линии, сходившиеся вокруг ромба, похожего на каплю расплавленного золота.

Анна почувствовала, как ладонь резко потеплела.

— Это тот самый… — начала она, но не закончила фразу.

Золотистый знак под кожей отозвался слабым покалыванием.

Вардек внимательно следила за её реакцией.

— Где вы видели его раньше? — спросила она, и в её голосе прозвучала настороженность.

— На шашке, — ответила Анна, и в её голосе послышалась дрожь. — На той, с которой всё началось. Я обнаружила его под поздним слоем металла, когда работала с клинком.

— Опишите оружие, — потребовала Вардек, и в её голосе прозвучала жёсткость.

— Кавказская шашка, — начала Анна, и в её голосе послышалась профессиональная точность. — Старая, с необычной структурой металла. На поверхности были следы нескольких реставраций. Некоторые участки подвергались обработке, которая скрывала первоначальный рисунок. Я пыталась понять, что находится под верхним слоем, и обнаружила этот знак.

— А затем? — спросила Вардек, и в её голосе прозвучало напряжение.

Анна почувствовала, как неприятно сжалось горло.

— Затем металл отреагировал на прикосновение, — ответила она тихо. — Я увидела свет, почувствовала боль… А потом оказалась здесь.

Вардек медленно провела пальцем по странице.

— Вы уверены, что знак выглядел именно так? — спросила она, и в её голосе прозвучало сомнение.

— Да, — ответила Анна, и в её голосе послышалась твёрдость. — Я слишком долго изучала его, чтобы перепутать.

— И вокруг него не было кольца? — Вардек прищурилась.

— Нет, — ответила Анна. — По крайней мере, я его не заметила.

Архивариус закрыла книгу.

— Этот знак принадлежит старому маршруту, — произнесла она, и в её голосе прозвучала мрачная торжествен-

ность.

— Какому? — спросила Анна, и в её голосе послышалась настороженность.

— Тому, который был закрыт много веков назад, — ответила Вардек, и в её голосе прозвучала усталая горечь.

Анна нахмурилась.

— Но если маршрут закрыт, почему его символ оказался на оружии в моём мире? — спросила она, и в её голосе прозвучало недоумение.

— Именно это мне и хотелось бы понять, — ответила архивариус, и в её голосе послышалась тень тревоги.

— Вы знаете, что это за оружие? — Анна шагнула ближе.

— Нет, — ответила Вардек. — Но теперь я понимаю, почему сердце отозвалось на ваше прикосновение.

— Значит, шашка действительно связана с этим местом? — спросила Анна, и в её голосе прозвучала надежда.

Вардек не стала отвечать прямо.

— В старых записях говорится о предметах, которые сохраняют фрагменты памяти, — сказала она, и в её голосе послышалась загадочность. — Они могут пережить разрушение маршрута, смену владельцев и даже исчезновение целых народов.

Анна почувствовала, как по спине пробежал холодок.

— Вы хотите сказать, что шашка была таким предметом? — спросила она, и в её голосе прозвучало недоверие.

— Возможно, — ответила Вардек, и в её голосе послыша-

лась осторожность.

— И что она перенесла меня сюда? — Анна прищурилась.

— Я не знаю, — ответила архивариус. — Но её связь с тем, что находится под горой, явно не случайна.

Анна опустила взгляд на ладонь. Ей вспомнился рабочий стол, мягкий свет лампы, запах масла и тонкий звук металла, когда инструмент касался поверхности клинка. Всё было таким привычным, таким понятным. Она знала, как обращаться с повреждённым оружием, как отличить следы времени от следов поздней обработки, как не нарушить первоначальную структуру.

Но с этой шашкой всё пошло иначе. Она не просто исследовала предмет. Предмет будто ждал именно её.

— Вы сказали, что Пепельные хранили память материи, — произнесла Анна, и в её голосе прозвучала осторожная надежда. — Это и есть мой дар?

Вардек не сразу ответила.

— В старых записях Пепельные описаны как хранители памяти, — сказала она, и в её голосе послышалась благоговейная осторожность. — Они могли слышать то, что оставалось в металле, камне и других материалах после событий, давно забытых живыми.

— Слышать? — Анна приподняла бровь.

— Иногда видеть, — ответила Вардек. — Иногда чувствовать. Иногда понимать то, что невозможно объяснить словами.

Анна невольно коснулась запястья.

— Я видела чужие руки, — сказала она, и в её голосе прозвучало недоверие к собственным словам. — Незнакомое помещение. Чувствовала страх, который мне не принадлежал. Это не было похоже на обычные воспоминания. Скорее на следы, оставленные в самом предмете.

Вардек внимательно посмотрела на неё.

— Именно так и описывали этот дар, — произнесла она, и в её голосе прозвучало что-то похожее на удовлетворение.

— Значит, вы считаете, что я одна из Пепельных? — спросила Анна, и в её голосе прозвучала настороженность.

— Я считаю, что ваши способности совпадают с тем, что сохранилось в наших записях, — ответила Вардек, и в её голосе послышалась осторожность. — Но этого недостаточно, чтобы делать окончательные выводы.

— А что достаточно? — Анна скрестила руки на груди.

— Время, — ответила архивариус. — Наблюдения. И осторожность.

Анна горько усмехнулась.

— Прекрасно, — сказала она, и в её голосе прозвучала усталая ирония. — Всю жизнь я занималась реставрацией, а теперь сама оказалась объектом исследования.

— Вы не объект, — возразила Вардек, и в её голосе прозвучала твёрдость.

— Тогда кем я являюсь? — спросила Анна, и в её голосе послышался вызов.

Вардек посмотрела на неё с неожиданной мягкостью.

— Человеком, который оказался в месте, где его присутствие может изменить очень многое, — ответила она, и в её голосе прозвучала тихая серьёзность.

Анна отвернулась к карте. Ей не нравилось это ощущение. Будто её жизнь уже перестала принадлежать ей и стала частью чужого замысла. Все вокруг говорили о сердце, системе, знаках и древних силах, но никто не спрашивал, чего хочет сама Анна.

— Я хочу вернуться домой, — произнесла она, и в её голосе прозвучала тихая, упрямая решимость.

Вардек не стала перебивать.

— У меня там была жизнь, — продолжила Анна, и в её голосе послышалась глухая боль. — Работа. Люди, с которыми я общалась, пусть и не слишком близко. Я не могу просто принять, что всё закончилось, потому что здесь кому-то понадобилась моя помощь. Я не собираюсь становиться частью древнего механизма только потому, что моя кровь или память кому-то подходят.

Вардек медленно закрыла книгу.

— Я понимаю, — сказала она, и в её голосе прозвучала неожиданная мягкость.

— Нет, — возразила Анна, и в её глазах вспыхнуло что-то похожее на отчаяние. — Не понимаете. Вы можете сколько угодно говорить о древних хранителях, но это моя жизнь. И если у меня есть хотя бы малейший шанс вернуться, я хочу

его найти.

— Тогда вам придётся узнать, почему вы оказались здесь, — ответила Вардек, и в её голосе прозвучала тихая настойчивость.

Анна подняла глаза.

— Вы поможете мне? — спросила она, и в её голосе прозвучала осторожная надежда.

— Если смогу, — ответила архивариус, и в её голосе послышалась честность.

— А Кайрен? — Анна прищурилась, и в её голосе прозвучало любопытство.

При упоминании имени архивариус чуть заметно напряглась.

— Что Кайрен? — спросила она, и в её голосе послышалась настороженность.

— Он знает о Пепельных? — Анна шагнула ближе.

— Больше, чем говорит, — ответила Вардек, и в её голосе прозвучала усталая горечь.

— Это у вас здесь такая традиция? — спросила Анна, и в её голосе послышалась горькая ирония. — Знать больше, чем говорить?

— В Гильдии это называется осторожностью, — ответила архивариус, и в её голосе прозвучала твёрдость.

— А я бы назвала это коллективной неспособностью нормально общаться, — отрезала Анна, и в её голосе прозвучала горькая ирония.

Вардек неожиданно улыбнулась. На её обычно строгом лице улыбка выглядела непривычно, почти по-детски.

— Возможно, вы правы, — ответила она, и в её голосе послышалась тень тёплой усмешки.

Анна посмотрела на закрытую книгу.

— Мне нужно увидеть остальные записи, — сказала она, и в её голосе прозвучала настойчивость. — Все, которые связаны с этим знаком.

— Не сейчас, — ответила Вардек, и в её голосе послышалась твёрдость.

— Почему? — Анна прищурилась.

— Потому что вы едва держитесь на ногах, — ответила архивариус, и в её голосе прозвучала неожиданная забота. — И потому что некоторые записи нельзя открывать без разрешения хранителя.

— А кто хранитель? — спросила Анна, и в её голосе послышалась настороженность.

Вардек положила ладонь на переплёт.

— Я, — ответила она, и в её голосе прозвучала тихая гордость.

— Конечно, — пробормотала Анна, и в её голосе прозвучала усталая обречённость. — А я уже начала надеяться, что здесь хотя бы у кого-нибудь можно получить информацию без предварительного прохождения испытаний.

Всё произошло, когда они собирались уходить.

Сначала свет в центральной конструкции едва заметно дрогнул. Анна даже не сразу обратила на это внимание. Лишь заметила, что голубоватое сияние стало неровным, а тени от металлических колец начали двигаться по стенам с непривычной скоростью.

Затем одно из колец остановилось.

Второе продолжило вращение, но теперь двигалось с заметным усилием. Раздался короткий щелчок, за ним — протяжный скрежет, от которого по спине пробежали мурашки.

Вардек резко обернулась.

— Не двигайтесь, — произнесла она, и в её голосе прозвучала жёсткость, которой Анна прежде не слышала.

Анна замерла.

На поверхности центрального кольца вспыхнула золотая линия. Она прошла по металлу, свернула в сторону и исчезла. Несколько секунд ничего не происходило, а затем на кольце начали проступать знаки. Один за другим. Они складывались в последовательность, которую Анна не могла прочитать, но почему-то узнавала.

Ладонь обожгло изнутри.

Она схватилась за запястье.

— Вардек… — начала она, и в её голосе прозвучал испуг.

— Тихо, — отрезала архивариус, и в её голосе послышалось напряжение.

Вардек подошла к конструкции. Её лицо изменилось: привычная холодная сосредоточенность уступила место тревоге.

Анна увидела, как она осторожно коснулась одного из колец, пытаясь остановить его движение.

Но свет вспыхнул ярче.

И тогда Анна услышала звук.

Низкий, глубокий гул, от которого задрожали пол и стены. Он проходил сквозь камень, поднимался по ногам и отдавался где-то за грудиной. Казалось, сама гора издала протяжный вздох.

Анна вцепилась в край стола.

Воздух внезапно стал тяжёлым. Пахнуло горелым металлом и холодной землёй, словно где-то глубоко под ними вскрыли старую могилу.

Перед глазами поплыло.

А затем архив исчез.

Она стояла на каменной площадке.

Над головой нависало серое небо, затянутое низкими облаками. Ветер гнал по земле пепел. Он оседал на камнях, забивался в складки одежды, прилипал к коже.

Впереди возвышалась огромная арка из тёмного металла. На её поверхности были выгравированы те же знаки, что Анна только что видела в архиве.

Возле арки стояли люди. Их лица скрывали капюшоны, а длинные одежды развевались на ветру. В центре находилась женщина. Стройная, с распущенными волосами, которые ветер бросал ей на лицо. Анна не могла разглядеть её

черты, но отчего-то знала: женщина боится. Не за себя — за кого-то другого.

На запястьях женщины темнели серебристые линии. Такие же, как у Анны.

Женщина подняла руку и коснулась металлической конструкции. По арке прошёл золотой свет.

Кто-то схватил её за плечо. Анна не видела лица незнакомца — только руку в тёмной перчатке и блеснувший на запястье металлический браслет.

— Не дай ему вспомнить, — произнёс мужской голос.

Женщина резко повернула голову. И Анна почувствовала такую боль, будто эти слова были сказаны ей самой.

Не дай ему вспомнить.

Ветер усилился. Пепел взметнулся в воздух, закрывая небо. Женщина протянула руку вперёд, словно пыталась удержать кого-то, кто уже уходил.

И в этот момент видение оборвалось.

Анна резко отпрянула от стола.

Она задыхалась. Сердце колотилось так сильно, что каждый удар отдавался болью под рёбрами. Ладонь горела, пальцы дрожали.

Вардек стояла рядом. В её глазах застыл неподдельный страх.

— Что вы увидели? — спросила она, и в её голосе прозвучало напряжение.

Анна попыталась ответить, но голос не слушался.

— Женщину… — наконец выдохнула она, и в её голосе послышалась дрожь. — Каменная площадка, огромная арка. Вокруг были люди. У неё на руках такие же линии, как у меня.

Вардек побледнела.

— Что ещё? — спросила она, и в её голосе прозвучал страх.

Анна закрыла глаза, пытаясь восстановить детали.

— Она прикоснулась к конструкции, — ответила она, и в её голосе послышалась растерянность. — Потом кто-то сказал… «Не дай ему вспомнить».

Вардек медленно отступила.

— Вы уверены? — спросила она, и в её голосе прозвучало недоверие.

— Да, — ответила Анна, и в её голосе послышалась твёрдость. — Я слышала совершенно отчётливо.

— Вы видели её лицо? — Вардек прищурилась.

Анна покачала головой.

— Нет, — ответила она, и в её голосе прозвучало сожаление. — Но мне показалось… будто я должна была её узнать.

Вардек отвернулась к центральному кольцу. Её перья на шее поднялись дыбом, и в глазах вспыхнуло что-то похожее на панику, которую она не успела скрыть.

— Этого не должно было произойти, — произнесла она, и в её голосе послышался страх.

— Что именно? — спросила Анна, и в её голосе прозвучала усталая настойчивость.

Архивариус не ответила.

— Вардек! — Анна повысила голос, и в её голосе послышалось раздражение.

Та вздрогнула от резкого оклика.

— Нам нужно уходить, — сказала она, и в её голосе прозвучала срочность.

— Вы можете хотя бы объяснить, что я только что увидела? — спросила Анна, и в её голосе послышалось отчаяние.

— Не здесь, — ответила Вардек, и в её голосе прозвучала жёсткость.

— Опять? — Анна невесело усмехнулась. — Вы серьёзно? У вас есть хотя бы одно место, где можно говорить прямо?

Вардек схватила со стола книгу и прижала её к груди.

— Вы увидели запись, которую не должны были увидеть, — ответила она, и в её голосе послышалась тревога. — И теперь я не уверена, что архив вообще можно считать безопасным.

Анна почувствовала, как холодеют пальцы.

— Кто была эта женщина? — спросила она, и в её голосе прозвучала настойчивость.

Вардек посмотрела на неё.

— Я не знаю, — ответила она, и в её голосе послышалась растерянность.

— Но вы узнали знак, — заметила Анна, и в её голосе прозвучало обвинение.

— Да, — ответила архивариус, и в её голосе послышалась неохотная твёрдость.

— Тогда что вас так напугало? — спросила Анна, и в её голосе прозвучало недоумение.

Вардек на мгновение закрыла глаза.

— То, что эта запись открылась сама, — ответила она, и в её голосе послышался страх.

Обратный путь показался Анне бесконечным.

Коридоры, которые ещё недавно казались просто необычными, теперь выглядели настороженно. Голубые линии в стенах мерцали с перебоями, в некоторых местах свет совсем погас. Из глубины Гильдии доносились глухие удары, а где-то под ногами время от времени проходила лёгкая дрожь.

Вардек шла быстро, почти не оглядываясь. Анна старалась поспевать за ней, хотя после видения ноги казались ватными.

— Вы так и не объяснили, что это была за женщина, — произнесла она, и в голосе прозвучала усталая настойчивость человека, который слишком долго ждал ответа.

— Я не знаю, — ответила Вардек, и в её голосе послышалась неохотная беспомощность.

— Но вы явно что-то узнали, — настаивала Анна, и на её скулах выступили едва заметные пятна.

— Я узнала символ, — отозвалась архивариус, и в её голосе прозвучала осторожная уклончивость.

— И фразу? — Анна шагнула ближе.

Вардек остановилась возле поворота и обернулась. Её перья на шее едва заметно приподнялись.

— Анна, есть вещи, которые лучше пока оставить без объяснения, — произнесла она, и в её голосе послышалась тихая настойчивость.

— А есть вещи, которые лучше не скрывать от человека, которого они касаются напрямую, — ответила Анна, и в её голосе прозвучал вызов.

Архивариус посмотрела на неё. В её тёмно-медовых глазах с вертикальными зрачками читалась усталость.

— Вы правы, — сказала она наконец, и в её голосе послышалась неохотная честность. — Но я не могу рассказать вам то, в чём сама не уверена.

Анна хотела возразить, но сдержалась. Это был первый ответ Вардек, который прозвучал честно.

— Хорошо, — произнесла она, и в её голосе прозвучала неохотная уступка. — Тогда скажите хотя бы, чего вы боитесь.

Архивариус некоторое время молчала, и её перья на плечах едва заметно дрогнули.

— Я боюсь, что вы не просто пробудили старый узел, — наконец произнесла она, и в её голосе послышалась тихая тревога. — Я боюсь, что он начал отвечать вам.

— Кто? — Анна нахмурилась.

Вардек посмотрела в сторону святилища.

— То, что спит под горой, — ответила она, и в её голосе прозвучал страх.

Анна почувствовала знакомый гул. Очень слабый, почти неразличимый, но теперь она узнавала его безошибочно. Что-то огромное находилось глубоко под ними. И оно помнило.

Они вышли к широкой галерее, где было заметно теплее. Из соседнего помещения доносился звон посуды и запах горячего хлеба. Кто-то громко смеялся, а затем послышался женский голос, сердито требовавший убрать ноги с лавки.

Обычная жизнь продолжалась, словно ничего не произошло. Анна невольно подумала, что хотела бы сейчас оказаться в такой же обычной комнате. Сесть за стол, выпить горячего чая, снять тяжёлые ботинки и хотя бы на несколько минут забыть о свете под кожей.

Но Вардек внезапно заговорила, и в её голосе прозвучала неожиданная серьёзность:

— И ещё одно, Анна.

— Что? — Анна обернулась.

— Пока не говорите Кайрену о женщине, — сказала архивариус, и её перья на шее плотно прилегли.

Анна остановилась.

— Почему? — спросила она, и в её голосе прозвучала на-

стороженность.

— Потому что он может узнать её, — ответила Вардек, и в её голосе послышалась тихая тревога.

— И что в этом плохого? — Анна прищурилась.

Вардек медленно повернулась к ней.

— Иногда узнавание бывает опаснее незнания, — произнесла она, и в её голосе прозвучала мрачная уверенность.

Анна почувствовала, как внутри поднимается раздражение.

— Вы понимаете, что своими намёками только усиливаете моё желание узнать правду? — спросила она, и в её голосе прозвучал вызов.

— Понимаю, — ответила архивариус, и в её голосе послышалась усталая уступка.

— Тогда почему продолжаете? — Анна скрестила руки на груди.

— Потому что иногда правда может разрушить человека быстрее, чем ложь, — ответила Вардек, и в её голосе прозвучала тихая горечь.

Анна хотела ответить, но из-за поворота донёсся знакомый голос:

— Вардек.

Кайрен стоял у входа в галерею. Он был без плаща, тёмная рубашка плотно облегала плечи, волосы слегка растрепались, будто он долго находился на ветру. На скулах залегли тени усталости. Но стоило ему увидеть Анну, как выра-

жение лица изменилось. Взгляд задержался на её лице, затем скользнул к рукам.

— Что произошло? — спросил он, и в его голосе прозвучала настороженность.

Вардек не успела ответить.

— Архив открылся, — сказала Анна, и в её голосе прозвучала усталая прямота. — Точнее, одна из его конструкций. Появился знак, похожий на тот, что был на шашке. А потом я увидела воспоминание.

Кайрен мгновенно подобрался, и его светлые, почти бесцветные глаза сузились.

— Какое? — спросил он, и в его голосе исчезла привычная ровность.

Он сделал шаг к ней, и Анна вдруг заметила, насколько он выше. Рядом с ним всегда возникало ощущение, будто пространство становится теснее. Она поймала себя на том, что рассматривает его лицо: резкую линию скул, тёмные брови, светлые глаза, в которых сейчас не осталось и следа обычной холодной отстранённости. Он выглядел напряжённым. Не просто настороженным — словно готовился принять удар.

Анне не понравилось, что это её задело. Ей вообще не следовало обращать внимание на то, как он выглядит, как двигается или как меняется его голос. У неё были проблемы куда серьёзнее. Но когда Кайрен приблизился, она уловила знакомый запах кожи, холодного камня и чего-то терпкого, напоминающего дым от костра. От этого странным образом стало

спокойнее. Она тут же мысленно одёрнула себя. Не время.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.